

кования законодательных норм. Данный сюжет прежде почти не затрагивался исследователями, а если и попадал в их поле зрения, то обычно трактовался как латание дыр в законодательстве и маскировка его несовершенств. Между тем, недостаточное внимание к этой стороне столыпинского аграрного реформирования не только упрощает, но и в значительной степени искажает реальное содержание земельной политики государства, безапелляционно противопоставляя ее хозяйственным традициям русской деревни.

Предметом непрекращающихся споров остается также обоснованность статьи 1 закона «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении» (14 июня 1910 г.), которая признавала всех крестьян в беспередельных (не переделавших землю) общинах собственниками своего надела. Новоиспеченные единоличники получали удостоверительные акты о праве собственности непосредственно от землеустроительных комиссий, минуя сход. Авторам этой статьи инкриминируется стремление искусственно перевести все наделные земли в разряд подворно-наследственного владения. Думается, впрочем, что подобная точка зрения вряд ли адекватна реалиям. В противном случае, Столыпин не стал бы настаивать на отказе от признания подворно-наследственными и тех общин, которые не проводили коренных переделов земли за последние 24 года³. Напротив, полное отсутствие переделов в общине, начиная с 1861 г., являлось, скорее всего, достаточно веским основанием для перевода всех домохозяев в разряд собственников автоматически. Ведь столыпинская реформа дала мощный импульс к взрывному росту передельных приговоров, пик которого в большинстве губерний был отмечен именно в начальный период реформирования. В условиях нового земельного законодательства они зачастую становились неизбежными, поскольку укрепление надела в личную собственность и единоличное землеустройство так или иначе затрагивали интересы всего «мира»⁴. И если в течение нескольких лет проведения реформы, как и в предшествующую эпоху, община не считала нужным перераспределять землю, то следовательно домохозяева, входившие в ее состав, фактически уже находились на положении подворных владельцев, на что справедливо указывали А.М. Анфимов и В.Г. Тюкавкин⁵. Тем самым статья 1 лишь юридически фиксировала реальное положение вещей. «Закон этот, — справедливо отмечал Столыпин, обращаясь к членам Госсовета, — не только проверен теоретически рассуждениями специалистов, он четвертый год проверяется самой жизнью, и правительству не приходится пробивать ему дорогу в законодательных учреждениях»⁶.

Еще более убедительным доводом в пользу того, что правительство не ставило перед собой цель любыми средствами сокрушить общинное землевладение, можно считать условия правоприменения рассматриваемой статьи. Так, уже в ближайшие месяцы после принятия закона 14 июня 1910 г. Министерство внутренних дел выпустило целый ряд распорядительных актов, существенно ограничивших действие закона в интересах общины. Как следовало из министерских разъяснений, статья 1 не распространялась на общества, где переделы производились, пусть и без соблюдения надлежащих процедурных формальностей, и — если составленные передельные приговоры не